

Аромат забвения

Владимир Коток

На окраине города, где асфальт сменяется пыльной грунтовкой, а редкие многоэтажки тонут в зарослях бурьяна, лежал он. Труп. Когда-то рыжий пёс, теперь — плоский силуэт, прилипший к дороге как старая тряпка. Лето жарило его неделями: шерсть выцвела до ржаво-коричневого, кожа стала пергаментной, а запах... Сладковато-горький, липкий, он висел в воздухе плотной пеленой, смешиваясь с ароматом полыни и выхлопных газов. Местные обходили это место стороной, зажимая носы платками. Даже вороны, обычно алчные до падали, лишь кружили на высоте, словно брезгую.

Но не Лекс.

Рыжий метис с белым пятном на груди тянул поводок, как буксирный трос, заставляя Антона спотыкаться о трещины в асфальте. «Нет, Лекс, не туда!» — мужчина дёргал строгий ошейник, но пёс уже заскулил, задрожал всем телом, будто почуял дичь. И тогда Антон понял — они подошли слишком близко.

Труп лежал в тени покосившегося дорожного знака. Мухи давно покинули его, оставив после личинок лишь иссохшую оболочку. Но Лекс нырнул носом в эту вонь, как в омут, рыча от восторга. «Фу, гадость какая!» — Антон попятился, но поводок выскользнул из потной ладони. Рыжий комок метнулся к тушке, валяясь в ней с таким упоением, будто купался в розовых лепестках.

«Лекс! Брось!» — крик застрял в горле, когда мужчина увидел глаза пса. Зрачки-угольки горели первобытным экстазом, язык свисал в блаженной улыбке. Лекс терся спиной о кости, впитывая смерть каждой порой, словно пытаясь слиться с ней, стать частью этого гниющего памятника на краю цивилизации.

Прохожий старик с таксой на поводке фыркнул: «Мой тоже так делал. Говорят, это у них от предков — маскироваться под падаль, чтобы хищники не чуяли». Антон молча кивал, оттирая ладони влажными салфетками после безуспешной попытки оттащить пса. В голове пульсировало: *Зачем?* Зачем превращаться в эту вонь, эту грязь, это напоминание о том, что всё кончается?

На обратном пути Лекс бежал вприпрыжку, шерсть его пахла теперь аптечным хлором и тлением. Антон вдыхал этот коктейль, и мысли путались. Может, собаки мудрее? Они не прячут смерть за бетонными заборами крематориев, не притворяются, будто её нет. Они носят её с собой — едкий, откровенный аромат правды, против которого бессильны дезодоранты и философские трактаты.

А на следующий день труп исчез. Кто-то вызвал коммунальщиков или просто снёс в овраг бульдозер, расширяющий дорогу. Осталось лишь масляное пятно да горстка перемолотых костей в гравии. Но Лекс, проходя мимо, всё равно замедлял шаг. Его нос дрожал, ловя невидимые уже частицы памяти.

И Антон больше не дёргал поводок.